Книгоиздательство „Буревѣстникъ“.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

Рѣчь о Бѣлинскомъ,

произнесенная

на русскихъ собраніяхъ въ Женевѣ, Цюрихѣ и Бернѣ.

Съ портретомъ автора.

Цѣна 12 коп.

ТИП. И. КОПЕЛЬМАНА, ОДЕССА.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

РѢЧЬ О БѢЛИНСКОМЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

на русскихъ собраніяхъ въ Женевѣ, Цюрихѣ и Бернѣ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

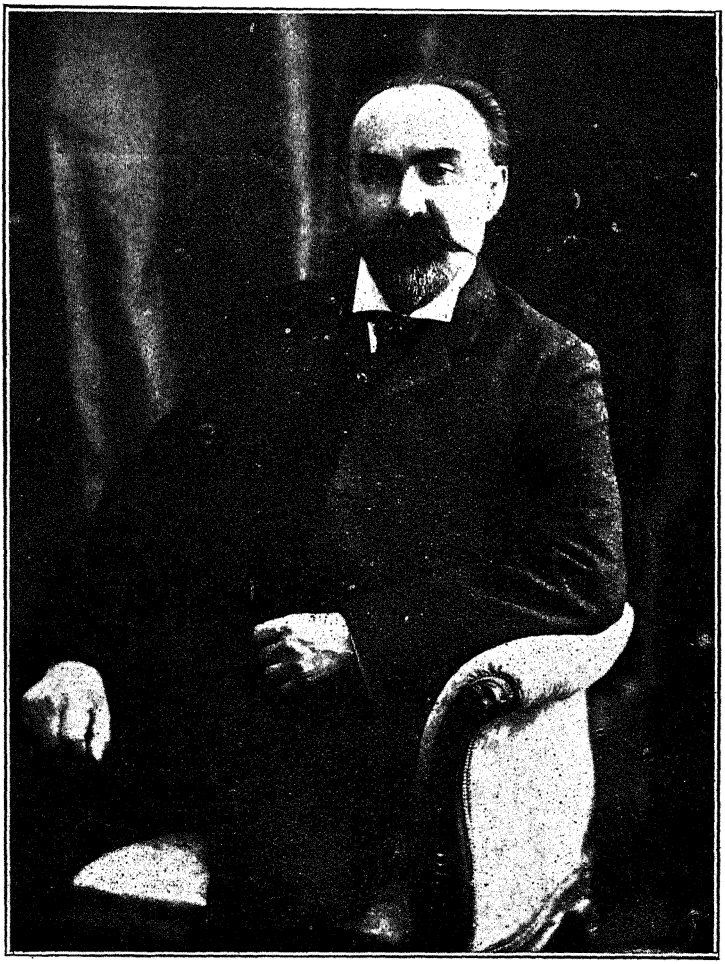
Книгоиздательство „БУРЕВѢСТНИКЪ“.

ОДЕССА. — 1906.

Дозволено цензурою. Одесса 20 января 1906 года.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
25

ОДЕССА 1906.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая 26, уг. Пушкинской



Георгій Валентиновичъ Плехановъ.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

РѢЧЬ О БѢЛИНСКОМЪ.

Рѣчь о В. Г. Бѣлинскомъ,

произнесенная на русскихъ собраніяхъ въ Женевѣ, Цюрихѣ и Бернѣ.

Гг!

Прежде, чѣмъ говорить о значеніи Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго въ исторіи нашего умственнаго развитія, я позволю себѣ нѣсколько оживить въ вашей памяти образъ этого замѣчательнаго человѣка.

Характеризуя самъ себя, онъ говоритъ, что страстность составляетъ преобладающій элементъ его души.

«Эта страстность есть источникъ моихъ мукъ и радостей,— прибавляетъ онъ, — а такъ какъ судьба отказала мнѣ слишкомъ во многомъ, то я и не умѣю отдаваться наполовину тому немногому, въ чемъ она мнѣ не отказала. Для меня и дружба къ мужчинѣ есть страсть, и я бывалъ ревнивъ къ этой страсти».

Эта же основная черта характера Бѣлинскаго сказывается, разумѣется, и во всѣхъ его общественныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Она проявляется въ его статьяхъ, не смотря на то, что усердная рука цензора неумолимо и неуклонно стирала съ нихъ краски; она прорвалась бурнымъ потокомъ въ его знаменитомъ, негодующемъ письмѣ къ Гоголю; она придаетъ неотразимую прелесть вообще всей его перепискѣ; наконецъ, она же опредѣляетъ собою его отношеніе къ своимъ противникамъ. Онъ всегда былъ страстнымъ полемистомъ.

«У насъ нападаютъ иногда на полемику, особенно на журнальную»,—говоритъ онъ въ своей знаменитой первой статьѣ «Литературныя мечтанія». «Это очень естественно. Люди, хладнокровные къ умственной жизни, могутъ-ли понять, какъ можно предпочитать истину приличіямъ и изъ любви къ ней навлекать на себя ненависть и гоненіе? О, имъ никогда не постичь, что за блаженство, что за сладострастіе души сказать какому-нибудь

генію въ отставкѣ безъ мундира, что онъ смѣшонъ и жалокъ своими дѣтскими претензіями на великость, растолковать ему, что онъ не себѣ, а крикуну-журналисту обязанъ своею литературною значительностью; сказать какому-нибудь ветерану, что онъ пользуется своимъ авторитетомъ на кредитъ, по старымъ воспоминаніямъ или по старой привычкѣ; доказать какому-нибудь литературному учителю, что онъ близорукъ, что онъ отсталъ отъ вѣка, и что ему надо переучиваться съ азбуки; сказать какому-нибудь выходцу богъ вѣсть откуда, какому-нибудь пройдохѣ и Видоку (намекъ на Булгарина. Г. П.), какому-нибудь литературному торгашу, что онъ оскорбляетъ собою и эту словесность, которою занимается, и этихъ добрыхъ людей, кредитомъ которыхъ пользуется, что онъ надругался и надъ святостью истины, и надъ святостью знанія, заклеймить его имя позоромъ отверженія, сорвать съ него маску, хотя-бы она была и баронская (намекъ на Сенковскаго—«барона Брамбеуса». Г. П.), и показать его свѣту во всей его наготѣ!.. Говорю вамъ, во всемъ этомъ есть блаженство неизъяснимое, сладострастіе безграничное».

Въ 1842 году, т. е., когда Бѣлинскій былъ уже далеко не юношей, онъ въ одномъ изъ писемъ къ Боткину, такъ благодаритъ его за вѣсти о славянофилахъ:

«Спасибо тебѣ за вѣсти о славянофилахъ. Если не ошибаюсь въ себѣ и въ своемъ чувствѣ, — ненависть этихъ господъ радуетъ меня; я смакую ее, какъ боги амврозію, какъ Боткинъ (мой другъ) всякую сладкую дрянь; я былъ-бы радъ ихъ мщенію... Я буду постоянно бѣсить ихъ, выводить изъ терпѣнія, дразнить. Бой мелочной, но все же бой; война съ лягушками, но все же не миръ съ баранами».

Въ другомъ письмѣ, написанномъ около того же времени, онъ признается:

«Чувствую, теперь вполнѣ и живо, что я рожденъ для печатныхъ битвъ, и что мое призваніе, жизнь, счастье, воздухъ, пища—полемика».

То же чувствовали—и вѣроятно еще болѣе живо — его немалочисленные друзья и его безчисленные враги. Вотъ что говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ Панаевъ:

«Для того, чтобы имѣть о Б. полное понятіе, видѣть его во всемъ блескѣ, надобно было навести разговоръ на тѣ общественные вопросы, которые живо его затрагивали, и раздражить его противорѣчіемъ; затронутый, онъ вдругъ выросталъ, слова его лились потокомъ, вся фигура его дышала внутренней энергіей и силой, голосъ по временамъ задыхался, всѣ мускулы лица

приходили въ напряженіе... Онъ нападалъ на своего противника съ силой человѣка власть имѣющаго, мимоходомъ игралъ имъ, какъ соломинкой, издѣвался, ставилъ его въ комическое положеніе и, между тѣмъ, продолжалъ развивать свою мысль съ энергіей поразительной. Въ такія минуты этотъ, обыкновенно застѣнчивый, робкій и неловкій человѣкъ былъ неузнаваемъ».

Почти буквально то же самое читаемъ мы въ «Быломъ и Думахъ» Герцена:

Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладіаторская натура! Да, это былъ сильный боецъ. Онъ не умѣлъ проповѣдывать, поучать; ему надобенъ былъ споръ! Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касалось до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерываться, тутъ надобно было его видѣть; онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и, по дорогѣ, съ необычайной силой, съ необычайной поэзіей развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась изъ горла; блѣдный, задыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ онъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный физической слабостью. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ я его въ эти минуты!»

Нечего и говорить, что врагамъ Бѣлинскаго,—т. е., тѣмъ, надъ которыми онъ издѣвался, которыхъ онъ ставилъ въ смѣшное положеніе и которыми онъ игралъ, какъ соломенкой,—та же самая страстность его характера представлялась очень непріятной чертою. Его называли литературнымъ бульдогомъ и упрекали въ нелюбви ко всему русскому: припомните извѣстные стихи, въ которыхъ авторъ говоритъ, обращаясь къ Бѣлинскому;

Нѣтъ, твой подвигъ не похваленъ,
Онъ Россіи не привѣтъ,
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ не поэтъ и т. д.

Но вы, надѣюсь, не удивитесь, господа, если я скажу, что этотъ «бульдогъ», этотъ страстный и страшный полемистъ былъ чрезвычайно добродушенъ. Герой его юношеской драмы, Дмитрій Калининъ, говоритъ о себѣ:

«Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я всегда смотрѣлъ на несчастнаго. Если при мнѣ разсказывали о

несправедливостяхъ, гоненіяхъ, жестокостяхъ сильныхъ надъ слабыми, о злоупотребленіи властей, то адъ бунтовалъ въ моей груди».

Калининъ выражаетъ здѣсь то, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ происходило въ душѣ самаго Бѣлинскаго. Заговоривъ объ этомъ предметѣ, я не могу устоять передъ искушеніемъ прочитать вамъ отрывокъ изъ его письма (отъ 8 сентября 1841 вода) къ тому же Боткину.

«Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ его возможности? Прочь же отъ меня блаженство, если оно — достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня общее съ меньшими братьями моими... Сердце мое обливается кровью и судорожно содрагается при взглядѣ на толпу и ея представителей... Подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло, и какъ будто не желая услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ,—и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла! И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности! И послѣ этого имѣетъ-ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи?»

Это какъ разъ та черта, которая получила выдающееся развитіе у нашихъ передовыхъ людей шестидесятыхъ годовъ и которая легла въ основу ихъ отрицательнаго отношенія къ искусству, такъ плохо понятаго и такъ нелѣпо истолкованнаго русскими охранителями того времени и русскими декадентами нашихъ дней. Для передовыхъ людей шестидесятыхъ годовъ вопросъ объ искусствѣ былъ прежде всего нравственнымъ вопросомъ; они спрашивали себя: имѣемъ ли мы право наслаждаться искусствомъ въ то время, когда большинство нашихъ ближнихъ лишено не только этого наслажденія, но и возможности удовлетворить самыя элементарныя, но за то и самыя насущныя, самыя неотложныя нужды. А ихъ обвиняли въ безнравственности, въ грубости чувствъ, въ узкости понятій и даже чуть-ли не въ равнодушіи къ интересамъ тѣхъ самыхъ бѣдняковъ, ради которыхъ они отказывались и отъ наслажденія искусствомъ, и отъ прочихъ жизненныхъ благъ.

Только что приведенный мною отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину съ поразительной яркостью обнаруживаетъ полную неосновательность этихъ обвиненій.

Впрочемъ, для меня важно здѣсь не то, что эти обви-

ненія неосновательны, а именно то, что Бѣлинскій въ послѣднюю эпоху своей жизни относился къ искусству совершенно такъ, какъ относились къ нему впослѣдствіи Чернышевскій, Добролюбовъ и другіе передовые люди 60-хъ гг. Наше общественное движеніе этихъ годовъ, равно какъ и движеніе слѣдующаго десятилѣтія, было въ своемъ крайнемъ проявленіи движеніемъ того общественнаго слоя, которому присвоено у насъ мѣткое названіе разночинцевъ. По своему происхожденію Бѣлинскій принадлежалъ къ этому слою. Онъ былъ едва-ли не первымъ и, безъ всякаго сомнѣнія, самимъ яркимъ литературнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій мыслящихъ разночинцевъ. Онъ бился надъ тѣми самыми вопросами, надъ которыми впослѣдствіи бились они; онъ мучился тѣми самыми муками, которыми суждено было мучиться имъ, и—геніальный разночинецъ—онъ въ общихъ чертахъ уже указалъ тотъ путь, который выведетъ способную къ развитію часть нашихъ разночинцевъ на путь плодотворной общественной дѣятельности. Въ этомъ и заключается великое общественное значеніе литературной дѣятельности Бѣлинскаго*).

---

*) Этимъ же объясняется и то восторженное уваженіе, съ которымъ относились къ нему передовые разночинцы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Для характеристики этого отношенія я приведу два примѣра. Въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы" Чернышевскій, переходя къ оцѣнкѣ дѣятельности Бѣлинскаго, выражается такъ: „Если у каждаго изъ насъ есть предметы столь близкіе и дорогіе сердцу, что говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя холодность и спокойствіе, старается избѣжать выраженій, въ которыхъ бы слышалось его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣренный, что при соблюденіи всей возможной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча,— если, говоримъ мы, у каждаго изъ насъ есть такіе дорогіе сердцу предметы, то критика гоголевскаго періода (т. е., критика Бѣлинскаго. Г. П.) занимаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ... Потому-то мы будемъ говорить о критикѣ гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто, не выражающее всей полноты чувствъ".

Другой примѣръ еще знаменательнѣе. Въ 1856 г. А. И. Левитовъ, тогда еще молодой студентъ медико-хирургической академіи, былъ высланъ административнымъ порядкомъ сначала въ Вологду, а потомъ въ Шенкурскъ. Положеніе его тамъ было, само собою разумѣется, тяжелое и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Переписывавшіеся съ нимъ друзья старались, какъ умѣли, поддержать его бодрость. Въ апрѣлѣ 1859 г. одинъ изъ нихъ, нѣкто Фиделинъ, совѣтуя ему продолжать начатыя литературныя работы, писалъ: „вспомни о Бѣлинскомъ и ободрись... читай, читай, доставай книги... теперь много выходитъ книгъ, и книги все хорошія; опять напоминаю тебѣ Бѣлинскаго. Мнѣ хотѣлось бы даже послать тебѣ что-нибудь, да признаться... впрочемъ, нечего прнзнаваться,—какъ достану рубль сер., то непремѣнно обѣщаю тебѣ выслать пер-

Въ статьѣ «Великое сердце», первыя главы которой напечатаны въ мартовской книжкѣ „Русскаго Богатства» и о которой мнѣ еще придется говорить сегодня, г. Венгеровъ называетъ покойнаго Василія Боткина источникомъ духовнаго возбужденія Бѣлинскаго. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это названіе справедливо. Но было бы очень интересно выяснить, существовала-ли и въ какой мѣрѣ существовала въ отношеніи Боткина къ искусству та черта, которую мы только что видѣли въ отношеніи Бѣлинскаго къ этому предмету*). Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, что она можетъ быть указана; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что ни у кого изъ западниковъ сороковыхъ годовъ она не достигала такого развитія, какъ у Бѣлинскаго. Въ этомъ отношеніи онъ подошелъ къ нашимъ просвѣтителямъ шестидесятыхъ годовъ ближе, чѣмъ кто-бы то ни было изъ его современниковъ.

И не въ одномъ только этомъ отношеніи. Тотъ же г. Венгеровъ, въ той же, цитированной мною, статьѣ «Великое сердце», говоритъ:

«Вѣдь самые-то настоящіе великіе люди тѣ, которые не сами по себѣ, а отражаютъ великія эпохи. Второстепенно было бы значеніе Бѣлинскаго, если бы онъ отражалъ одного Станкевича, одного Боткина, одного Бакунина, одного Грановскаго, одного Герцена. Но если онъ одновременно, и притомъ по отношенію къ большинству изъ нихъ съ безконечно большею силою и блескомъ, отражалъ и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановскаго, и Герцена, то это уже значитъ, что онъ является центральнымъ пунктомъ знаменитѣйшей эпохи, выразителемъ самаго замѣчательнаго момента русской культуры, давшей ту плеяду великихъ писателей, которые поставили Россію на одинъ уровень съ великими литературными державами человѣчества».

Это и такъ, и очень не такъ. Бѣлинскій, безспорно, «отражалъ» и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановскаго, и Герцена и еще очень многихъ другихъ передовыхъ людей своего времени, т. е., иначе сказать, онъ безспорно отражалъ то, что было у него общаго со всѣми эти-

---

вую часть сочиненій Бѣлинскаго"... (См. стр. LXVI-LXVII статьи Ф. Д. Нефедова: „Александръ Ивановичъ Левитовъ", приложенной къ первому тому собранія соч. А. И. Левитова, изд. К. Т. Солдатенкова). Такъ велико было значеніе Бѣлинскаго для разночинцевъ этого поколѣнія.

*) Само собою разумѣется, что я говорю о сороковыхъ годахъ, а не о томъ времени, когда Боткинъ дружилъ съ Фетомъ и натравливалъ цен уру на сотрудниковъ „Современника".

ми людьми вмѣстѣ взятыми и съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Но это не мѣшало ему «отражать» прежде всего и ярче всего самого себя, какъ опредѣленную индивидуальность, со всѣми своими индивидуальными чертами. И говоря о значеніи Бѣлинскаго въ исторіи нашего умственнаго развитія, можно и должно было бы, я полагаю, спросить себя: не имѣли-ли общаго историческаго значенія его индивидуальныя черты, его личныя особенности? Только при такой постановкѣ вопроса и можно выяснить себѣ, во всей ея полнотѣ, историческую роль великаго человѣка.

Взглянемъ же на эти особенности.

По своему образу мыслей Бѣлинскій, въ кружкѣ нашихъ западниковъ сороковыхъ годовъ, представлялъ крайнюю лѣвую. Герценъ не даромъ называетъ его въ своемъ «Дневникѣ» фанатикомъ, человѣкомъ экстремы. Страстный боецъ, «жидъ», ненавидѣвш:й «филистимлянъ», онъ, напримѣръ, никакъ не могъ простить Герцену его полудружескихъ связей съ московскими славянофилами. Когда Герценъ вступалъ съ нимъ въ объясненія по этому поводу, Бѣлинскій находилъ, что отъ его объясненій «попахиваетъ умѣренностью и благоразуміемъ житейскимъ, т. е., началомъ паденія и гніенія»*). О другомъ своемъ пріятелѣ, Грановскомъ, онъ отзывался съ большой похвалой, но, прибавлялъ онъ, одно въ немъ худо—модерація! Въ свою очередь Грановскій еще сильнѣе, чѣмъ Герценъ, поражался «крайностями« Бѣлинскаго.

«Между Бѣлинскимъ и Грановскимъ была великая дружба,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Кавелинъ,—но я думаю, что непосредственной симпатіи между ними не было, да и не могло быть. Это были двѣ натуры совершенно противоположныя... О Бѣлинскомъ Грановскій говорилъ всегда съ большимъ уваженіемъ, съ большой любовью, но прибавлялъ, что онъ страшно увлекается и впадаетъ въ крайности. Если бы эти натуры не сплочали въ тѣснѣйшій союзъ внѣшнія обстоятельства, благородство общихъ стремленій, личная безукоризненность, а также гнетъ мысли, науки, литературы, —Бѣлинскій и Грановскій навѣрное разошлись бы, какъ Грановскій впослѣдствіи разошелся съ Герценомъ»**).

Изъ книги г. Пыпина: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», мы узнаемъ, что между Грановскимъ и Бѣлинскимъ часто велись споры о французской революціи, и что Грановскій не соглашался съ мнѣніемъ Бѣлинскаго «о Р.», т. е., о

*) См. Пыпина: Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II, стр. 180.
**) Тамъ же, т. II, стр. 230.

Робеспьерѣ. Это совершенно понятно и это лишній разъ подтверждаетъ ту мысль Кавелина, что при другихъ общественныхъ условіяхъ эти люди далеко разошлись бы между собою.

Г. Венгерову, да и не одному г. Венгерову, хотѣлось бы смягчить многія «крайности» въ характерѣ и особенно во взглядахъ Бѣлинскаго, сдѣлать его, какъ говорятъ нѣмцы—salonfähig. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что, разорвавъ, до извѣстной степени, съ философіей Гегеля, которой онъ такъ сильно увлекался прежде, Бѣлинскій перешелъ къ соціализму.

«Ты знаешь мою натуру,—писалъ онъ Боткину.—она вѣчно въ крайностяхъ... И теперь въ новой крайности,— это идея соціализма, которая стала для меня идеею идей... альфой и омегой вѣры и знанія... она для меня поглотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчался на пути жизни».

Г. Венгеровъ очевидно имѣетъ въ виду это обстоятельство, когда говоритъ въ своей статьѣ:

«Самою лучшею характеристикою міросозерцанія кружка Бѣлинскаго и Герцена было бы назвать ихъ «соціалистами». Но я боюсь этого названія, позднѣе пріобрѣвшаго иной оттѣнокъ, воинственный. Я же, напротивъ того, сейчасъ собираюсь показать, что «соціализмъ» въ позднѣйшемъ смыслѣ, агрессивномъ, былъ чуждъ людямъ 40-хъ годовъ. Бѣлинскій въ одномъ письмѣ называетъ себя «соціалистомъ», но только въ смыслѣ человѣка, интересующагося по преимуществу «соціальными» т. е., общественными вопросами. Да будетъ мнѣ позволено, поэтому, называть нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ не «соціалистами», а «общественниками», и тогда подъ эту кличку подойдутъ и Герценъ, и Бѣлинскій. и безусловно мирные писатели Григоровичъ, Тургеневъ, Достоевскій, Салтыковъ, Некрасовъ и др.»

Г. Венгеровъ, какъ видно, плохо выяснилъ себѣ характеръ Бѣлинскаго, который въ своихъ увлеченіяхъ былъ всегда именно «агрессивенъ».

«Я начинаю любить человѣчество маратовски—говоритъ онъ о себѣ: — чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечомъ истребилъ бы остальную»...

Сопоставьте съ этой маратовской любовью къ человѣчеству, его, упомянутое мною выше, пристрастіе къ Робеспьеру, и вы согласитесь, господа, что соціализмъ Бѣлинскаго далеко не чуждъ былъ очень агрессивныхъ элементовъ.

Но «Русскому Богатству» не хочется согласиться съ этимъ, и вотъ оно, въ лицѣ г. Венгерова, употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы стереть яркія краски съ образа нашего великаго писателя. Для этого г. Венгеровъ прибѣгаетъ, между прочимъ, къ свидѣтельству Щедрина.

Щедринъ писалъ когда то:

«Изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Зандъ лилась въ насъ вѣра въ человѣчество; оттуда возсіяла увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ».

По этому поводу г. Венгеровъ замѣчаетъ:

«Въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоцѣнны не только факты, но и общій тонъ. Рѣчь какъ будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ старикѣ только память сердца, тутъ не «борьба классовъ», а человѣчество, не политическая экономія, а вѣра, и эта вѣра воспринята не сухо логически, потому что факты и цифры неотразимы—она возсіяла» и т. д.

Итакъ, тутъ не борьба классовъ, а человѣчество; тутъ не политическая экономія, а вѣра. Оставимъ въ сторонѣ, какъ неумѣстный здѣсь, вопросъ о томъ, какъ относился къ «политической экономіи» самъ Щедринъ. Но полезно будетъ выяснить, точно-ли «борьба классовъ» не играла никакой роли въ соціализмѣ Бѣлинскаго.

Чтобы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, достаточно прочитать статью его о романѣ Эженя Сю: «Парижскія тайны». Въ этой статьѣ Бѣлинскій сожалѣетъ о томъ, что парижскій рабочій народъ взялся за оружіе въ іюлѣ 1830 года, тогда какъ борьба буржуазіи съ королевской властью была не его дѣломъ, не дѣломъ народа:

«Въ слѣпомъ и безумномъ самоотверженіи народъ не щадилъ себя, сражаясь за нарушеніе правъ, которыя нисколько не дѣлали его счастливѣе и, слѣдовательно, такъ же мало касались его, какъ и вопросъ о здоровьѣ китайскаго богдыхана».

Затѣмъ Бѣлинскій оспариваетъ буржуазное понятіе о равенствѣ:

«Французскій пролетарій передъ закономъ равенъ съ самымъ богатымъ собственникомъ и капиталистомъ, тотъ и другой судится одинаковымъ судомъ и по винѣ наказываются одинаковымъ наказаніемъ; но бѣда въ томъ, что отъ этого равенства пролетарію ничуть не легче. Вѣчный работникъ собственника и капиталиста, пролетарій весь въ его рукахъ, ибо тотъ даетъ ему работу и произ-

вольно назначаетъ за нее плату. Этой платы бѣдному работнику не всегда станетъ на денную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственникъ съ этой платы беретъ 99 процентовъ... Хорошо равенство!»

Наконецъ Бѣлинскій бичуетъ безсердечіе и жадность буржуазіи и указываетъ на страданія парижскаго народа.

«Бѣдствія народа въ Парижѣ выше всякой мѣры превосходятъ самыя смѣлыя выдумки фантазіи,— восклицаетъ онъ. Но искры добра еще не погасли во Франціи,—онѣ только подъ пепломъ и ждутъ благопріятнаго вѣтра, который превратилъ бы ихъ въ яркое и чистое пламя. Народъ—дитя, но это дитя растетъ и обѣщаетъ сдѣлаться мужемъ, полнымъ силы и разума... Онъ еще слабъ, но онъ еще одинъ хранитъ въ себѣ огонь національной жизни и свѣжій энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слояхъ образованнаго общества» и т. д.

Я спрашиваю васъ, господа, какой видъ имѣетъ здѣсь «вѣра въ человѣчество»? Она вполнѣ и безъ остатка покрывается вѣрой въ народъ, понятіе о которомъ, въ свою очередь, совершенно покрывается понятіемъ о рабочемъ классѣ. Интересы и даже нравственность рабочихъ противопоставляются интересамъ и нравственности буржуазіи. Это-ли не точка зрѣнія борьбы классовъ? Это-ли не та «узкость», въ которой обвиняютъ нынѣшнихъ соціалистовъ люди неспособные додуматься до опредѣленныхъ понятій и считающіе широкими такіе общественные взгляды, которые въ дѣйствительности просто неясны и только неясны?

Спѣшу, однако, сдѣлать оговорку. Никто изъ нынѣшнихъ соціалистовъ не согласится съ Бѣлинскимъ въ томъ, что вопросъ о политическихъ правахъ такъ же мало касается истинныхъ интересовъ народа, какъ и вопросъ о здоровьѣ китайскаго богдыхана. Это ошибка. Безъ политическихъ правъ невозможно широкое развитіе рабочаго движенія, и, вотъ почему, тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, рабочіе всѣми силами должны стремиться къ ихъ завоеванію. Вотъ почему и у насъ въ Россіи первымъ крупнымъ шагомъ рабочаго движенія должно быть завоеваніе политической свободы. Бѣлинскому не ясна была связь экономическихъ интересовъ рабочаго класса съ его политическими правами. Въ этомъ состояла слабая сторона его соціалистическихъ взглядовъ, какъ и всего тогдашняго, такъ называемаго теперь, утопическаго соціализма. Но это не мѣшало ему стоять на точкѣ зрѣнія борьбы классовъ или, какъ выражается г. Венгеровъ, поли-

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

тической экономіи и пріурочивать свою вѣру въ человѣчество исключительно къ вѣрѣ въ рабочій классъ. Въ виду этого всѣ попытки сдѣлать его salonfähig приходится признать совершенно неосновательными.

Разъ коснувшись вопроса о борьбѣ классовъ, я не могу оставить его, не постаравшись разрушить нѣкоторую ассоціацію идей, до сихъ поръ коренящуюся довольно прочно не только въ умахъ французскихъ и нѣмецкихъ филистеровъ, но, къ сожалѣнію, также и въ умахъ многихъ русскихъ людей, считающихъ себя «передовыми». Я имѣю въ виду предразсудокъ противъ классовой борьбы. Говорятъ: зачѣмъ-же защищать интересы одного только рабочаго класса? Это узко. Надо защищать интересы всего человѣчества. Но говорить такъ, значитъ играть словами. Я спрошу людей, занимающихся этой игрой, какъ чѣмъ то очень серьезнымъ: о какомъ «человѣчествѣ» говорите вы? Если о трудящемся человѣчествѣ, если о тѣхъ, которые, трудясь сами, не сидятъ ни на чьей шеѣ, то ихъ интересы, говоря вообще, совпадаютъ съ интересами рабочаго класса. А если вы говорите о тѣхъ, которые не могутъ существовать, не эксплуатируя чужого труда, подобно тому, какъ паразитъ не можетъ жить, не высасывая чужихъ соковъ, то я позволю себѣ усомниться въ томъ, чтобы люди, стремящіеся къ добру и истинѣ, могли принимать къ сердцу интересы этого будто бы человѣчества. Французская революція прошлаго вѣка была дѣломъ огромной важности для всего цивилизованнаго міра, хотя въ то же самое время она была фактомъ сословной борьбы,—именно фактомъ борьбы третьяго сословія противъ дворянства и духовенства. Что такое было третье сословіе? «Toute la nation moins les privilegiés»,—отвѣчали тогдашніе французскіе революціонеры. Это было справедливое опредѣленіе, и вы согласитесь, господа, что, защищая интересы всей націи—минусъ «привиллегированные», эти революціонеры совсѣмъ не грѣшили „узкостью“. Но вѣдь совершенно такой же отвѣтъ могутъ дать и нынѣшніе соціалисты. Что такое интересы рабочаго класса? Это интересы всѣхъ тѣхъ, кто не живетъ эксплуатаціей чужого труда. Это опять вся нація, или, точнѣе, всѣ націи moins les privilegiés,—минусъ эксплуататоры. Интересы эксплуататоровъ — отрицательная величина; вычесть ихъ изъ общихъ интересовъ всего народа значитъ прибавить къ его интересамъ нѣчто положительное. Кто объявляетъ войну войнѣ, тотъ стремится къ миру; кто объявляетъ войну экономической эксплуатаціи, тотъ становится на точку зрѣнія интересовъ рабочаго класса, но

тѣмъ самымъ защищаетъ интересы всего человѣчества. Мнѣ очень жаль, что г. Венгерову не знакома эта безспорнѣйшая истина, такъ рѣзко и такъ ясно обнаружившаяся въ результатѣ общественнаго движенія нашего вѣка.

Но вернемся къ Бѣлинскому.

Герценъ разсказываетъ въ «Быломъ и Думахъ», что комендантъ Петропавловской крѣпости Скобелевъ, встрѣчаясь съ знаменитымъ критикомъ на Невскомъ проспектѣ, шутя говорилъ ему: «Когда же къ намъ? У меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ; такъ для васъ и берегу». Эта милая шутка тюремщика хорошо рисуетъ взглядъ на Бѣлинскаго нашихъ тогдашнихъ «правящихъ сферъ». Его считали крайне опаснымъ человѣкомъ. Всѣмъ вамъ, конечно, извѣстенъ эпизодъ, увѣковѣченный на картинѣ Наумова: Бѣлинскій передъ смертью. Вотъ какъ онъ случился. Уже въ февралѣ 1848 года тогдашній начальникъ знаменитаго третьяго отдѣленія, Дуббельтъ, звалъ къ себѣ Бѣлинскаго для объясненій. Тотъ былъ уже очень боленъ и не могъ выходить изъ дому. На время его оставили въ покоѣ; но 27 марта къ нему на квартиру явился жандармъ съ новымъ приглашеніемъ. Появленіе этого жандарма и изображено Наумовымъ. Одинъ изъ друзей Бѣлинскаго такъ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ визитомъ.

«Бѣлинскій, не вставшій уже съ кресла, задыхающимся отъ волненія и отъ слабости голосомъ просилъ меня... отыскать бывшаго его учителя Попова... (служившаго тогда въ 3-мъ отд. Г. П.) и узнать для чего его требуютъ. Пріѣхавъ къ Попову, я объяснилъ ему о тяжкой болѣзни Бѣлинскаго, приковавшей его къ креслу, и спросилъ, чего отъ него желаютъ. Поповъ вспомнилъ съ нѣжностью о дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго, выразилъ участіе къ его болѣзненному состоянію, просилъ меня успокоить больного и объяснить ему, что онъ вызывался не по какому-нибудь частному дѣлу или обвиненію, но какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы,—единственно для того, чтобы лично познакомиться съ начальникомъ вѣдомства (гдѣ служилъ Поповъ), хозяиномъ русской литературы».

Въ день похоронъ Бѣлинскаго къ немногимъ друзьямъ, провожавшимъ на Волково кладбище его тѣло, присоединилось,—какъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Панаевъ,—«три или четыре неизвѣстныхъ, вдругъ откуда то взявшіеся. Они остались на кладбищѣ до самаго конца погребенія и слѣдили за всѣмъ съ величайшимъ любопытствомъ, хотя слѣдить

было совершенно нечего». А когда у друзей Бѣлинскаго явилась мысль разыграть въ лоттерею—въ пользу его, оставшагося безъ средствъ, семейства—его библіотеку, и когда одинъ изъ нихъ вступилъ по этому поводу въ переговоры съ упомянутымъ уже выше Поповымъ, то произошло вотъ что:

«Услышавъ о смерти Бѣлинскаго, Поповъ выразилъ сожалѣніе о столь преждевременной кончинѣ замѣчательнаго критика, но лишь только ему сказано было о лоттереѣ, онъ весь измѣнился въ лицѣ и отвѣтилъ въ самомъ раздраженномъ тонѣ отказомъ. Его слова имѣли тотъ смыслъ, что для него имя Бѣлинскаго было равнозначительно имени государственнаго преступника...»

Бѣлинскій никогда не сдѣлалъ ничего преступнаго, даже съ точки зрѣнія нашихъ законовъ, объявляющихъ преступными такія дѣйствія, которыя вездѣ на Западѣ считаются не только позволительными, но и вполнѣ обыкновенными. И, тѣмъ не менѣе, смотря на Бѣлинскаго, какъ на государственнаго преступника, третье отд. лишній разъ обнаружило свое тонкое чутье ищейки. Ему Бѣлинскій, дѣйствительно, долженъ былъ казаться преступникомъ. Вы помните, господа, о «маратовской» любви Виссаріона Григорьевича къ человѣчеству; вы помните объ его пристрастіи къ Робеспьеру. Теперь я прибавлю, что, крайне нервный и искренній, онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать свои убѣжденія. Приведу изъ воспоминаній Герцена два случая, чрезвычайно характерныхъ въ этомъ отношеніи.

«Разъ приходитъ онъ обѣдать къ одному литератору на страстной недѣлѣ; подаютъ постныя бюда. Давно-ли, спрашиваетъ онъ, вы сдѣлались богомольны? — Мы ѣдимъ, отвѣчаетъ литераторъ, постное просто на просто для людей.—Для людей? спросилъ Бѣлинскій и поблѣднѣлъ, — для людей? повторилъ онъ и бросилъ свое мѣсто. Гдѣ ваши люди? я имъ скажу, что они обмануты, всякій открытый порокъ лучше и человѣчнѣе этого презрѣнія къ слабому и необразованному, этого лицемѣрія, поддерживающаго невѣжество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну васъ доску со всѣми плантаторами! Прощайте, я не ѣмъ постнаго для поученія, у меня нѣтъ людей».

А вотъ второй случай.

Разъ на вечеринкѣ того самаго литератора, который постился для своихъ «людей», одинъ магистръ петербургскаго университета, по словамъ Герцена ослабившій свои способности философіей и филологіей, долго разсуждалъ на тему объ умѣренности и аккуратности и, коснувшись знаменитаго

«Философическаго Письма» Чаадаева, заявилъ, что авторъ этого письма не достоинъ уваженія. Присутствовавшій на вечеринкѣ Герценъ, который былъ лично знакомъ съ Чаадаевымъ, сталъ возражать магистру, объясняя ему, какъ несправедливъ его отзывъ о человѣкѣ, смѣло высказавшемъ свое мнѣніе и пострадавшемъ за него. Магистръ отвѣчалъ, указывая на необходимость уважать разныя «основы». Споръ затягивался...

«Вдругъ мою рѣчь подкосилъ Бѣлинскій... — разсказываетъ Герценъ—онъ подошелъ ко мнѣ уже блѣдный, какъ полотно, и, ударивъ меня по плечу, сказалъ: «Вотъ они высказались—инквизиторы, цензоры, на веревочкѣ мысль водить... и пошелъ, и пошелъ. Съ грознымъ вдохновеніемъ говорилъ онъ, приправляя серьезныя слова убійственными колкостями. «Что за обидчивость такая, палками бьютъ—не обижается; въ Сибирь посылаютъ—не обижаемся, а тутъ Чаадаевъ, видите, зацѣпилъ народную честь—не смѣй говорить; рѣчь—дерзость, лакей никогда не долженъ говорить! Отчего же въ странахъ больше образованныхъ, гдѣ, кажется, чувствительность тоже должна быть развитѣе, чѣмъ въ Костромѣ да Калугѣ,—не обижаются словами?»

—Въ образованныхъ странахъ,--сказалъ съ неподражаемымъ самодовольствомъ магистръ, есть тюрьмы, въ которыя запираютъ безумныхъ, оскорбляющихъ то, что цѣлый народъ чтитъ... и прекрасно дѣлаютъ.

Бѣлинскій выросъ, онъ былъ страшенъ, великъ въ эту минуту; скрестивъ на больной груди руки и глядя прямо на магистра, онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— А въ еще болѣе образованныхъ странахъ бываетъ гильотина, которой казнятъ тѣхъ, которые находятъ это прекраснымъ.

Сказавши это, онъ бросился на кресло изнеможенный и замолчалъ. При словѣ гильотина хозяинъ поблѣднѣлъ, гости обезпокоились: сдѣлалась пауза. Магистръ былъ уничтоженъ...

Таковъ былъ „неистовый Виссаріонъ“. Войдите въ положеніе Дубельта, господа, и скажите, развѣ онъ не обязанъ былъ видѣть въ немъ государственнаго преступника?

Но мы не служимъ въ третьемъ отдѣленіи и намъ позволительно смотрѣть на дѣло съ другой стороны. Въ нашихъ глазахъ «преступный» образъ мыслей «неистоваго Виссаріона» является однимъ изъ многихъ его правъ на нашу любовь и наше уваженіе. Мы любимъ Бѣлинскаго, между прочимъ, и за то, что въ глазахъ Дубельта онъ былъ, и не могъ не быть, преступникомъ. Только смерть спасла Бѣлинскаго отъ очень

основательнаго знакомства съ третьимъ отдѣленіемъ. Представляя себѣ сомнительное удовольствіе этого знакомства, мы съ тѣмъ большимъ чувствомъ повторимъ, вслѣдъ за Некрасовымъ:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Перехожу къ другой части своего чтенія. Напомнивъ вамъ, какъ чувствовалъ Бѣлинскій, я хочу теперь напомнить, какъ думалъ онъ, и что составляло главный предметъ его думъ въ теченіе его сознательной жизни.

Тотъ же Некрасовъ говоритъ, обращаясь къ нему.

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ — и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Насколько справедливы слова поэта о «новыхъ стезяхъ», проложенныхъ Бѣлинскимъ?

Что наша литературная критика вышла на новую стезю именно благодаря Бѣлинскому, это знаютъ даже тѣ, которые цѣнятъ въ немъ, главнымъ образомъ, «великое сердце». И уже на основаніи того, что онъ сдѣлалъ для литературной критики, можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ словахъ Некрасова нѣтъ никакого преувеличенія. Но живой и сильный умъ Бѣлинскаго стремился проложить новыя «стези» не только въ литературной критикѣ. Его упорная работа была направлена также и на соціально-политическую область. И его попытка найти новый путь въ этой области заслуживаетъ даже большаго вниманія, чѣмъ сдѣланное имъ собственно въ литературѣ.

Эта попытка тѣсно связана съ его увлеченіемъ гегелевской философіей, смыслъ котораго намъ и надо выяснить въ настоящее время.

Чтобы понять этотъ смыслъ, необходимо прежде всего представить себѣ ту эпоху, къ которой относятся юношескіе годы Бѣлинскаго. Ему было около пятнадцати лѣтъ, когда произошло извѣстное возстаніе декабристовъ. Оно вызвало очень много толковъ по всей Россіи и, разумѣется, произвело сильное впечатлѣніе на пылкаго, чрезвычайно даровитаго и рано развившагося юношу. Послѣ 14-го декабря еще болѣе усилилась та реакція, которая была сильна уже въ концѣ царствованія Александра I.

«Нравственный уровень общества палъ — говоритъ Герценъ —развитіе было прервано, все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные испуганные, слабые, потерянные,— были мелки, пусты, дрянь александровскаго поколѣнія заняла первое мѣсто».

Легко представить себѣ нравственное состояніе людей, сохранившихъ лучшія преданія предшествовавшей эпохи и вдругъ увидѣвшихъ себя совершенно безсильными въ борьбѣ за свои идеалы.

«Ужасны были первые годы, послѣдовавшіе за 1825—говоритъ Герценъ въ другомъ своемъ сочиненіи. Нужно было около десяти лѣтъ для того, чтобы опомниться отъ этого порабощенія и преслѣдованія*).

Что испытывалъ юноша Бѣлинскій въ продолженіе этого тяжелаго десятилѣтія? Какъ ни мало у насъ данныхъ для подробнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но у насъ имѣется, однако, его собственное свидѣтельство, имѣющее огромную цѣну, которую имѣетъ все, что говорилъ о себѣ этотъ безусловно правдивый человѣкъ. По его словамъ, въ юности онъ былъ полонъ героическихъ стремленій, горячо ненавидѣлъ существовавшій общественный строй и, въ то же время, мучительно сознавалъ себя нулемъ. Изъ подобнаго настроенія могло быть только два выхода: во-первыхъ, совершенный индифферентизмъ, полное забвеніе всякихъ идеальныхъ стремленій; во-вторыхъ, страстное исканіе въ политической литературѣ, въ наукѣ или въ философіи объясненія тяжелаго настоящаго и указанія на лучшее будущее. Бѣлинскій и его товарищи засѣли за философію.

Въ сосѣдней съ нами Германіи безраздѣльно господствовала тогда идеалистическая философія Гегеля. Когда Бѣлинскій ознакомился съ нею, она всецѣло захватила его и наложила свою глубокую печать на весь дальнѣйшій ходъ его умственнаго развитія.

Почему такъ сильно было ея вліяніе на него?

По той же самой причинѣ, по которой она подчиняла себѣ самые свѣжіе и самые энергичные умы тогдашней Германіи, а отчасти и всей западной Европы. Потому, что она была фокусомъ, въ которомъ сосредоточились всѣ результаты предшествующей работы философской мысли и изъ котораго выходили лучи, освѣщавшіе путь умственнаго и нравственнаго развитія цивилизованнаго міра. Мои слова могутъ

*) Du développement des idees revolutionnaires en Russie, Paris, 1851, p. 97.

показаться вамъ преувеличеніемъ: поэтому я спѣшу назвать имена Штрауса, Бруно, Бауэра, Фейербаха, Лассаля, Энгельса и Маркса. Всѣ эти люди обладали выдающимся, а нѣкоторые изъ нихъ и прямо геніальнымъ умомъ; всѣ они сдѣлали чрезвычайно много для умственнаго развитія нашего вѣка, и ни одинъ изъ нихъ не отказался бы признать, что Гегелю обязанъ онъ былъ, какъ своимъ могучимъ методомъ изслѣдованія, такъ и цѣлымъ рядомъ плодотворнѣйшихъ мыслей. Чтобы вы могли судить о томъ, какъ относились къ этому великому мыслителю геніальные люди, прошедшіе черезъ его школу, но впослѣдствіи покинувшіе его точку зрѣнія, я рекомендую вамъ небольшую книгу Энгельса о Фейербахѣ, появившуюся въ восьмидесятыхъ годахъ по нѣмецки и вышедшую по русски въ Женевѣ.

Само собою разумѣется, что я не могу указать вамъ сегодня всѣ, хотя бы только наиболѣе замѣчательныя, стороны гегелевскаго міросозерцанія. Для этого у меня не хватило бы времени. Я надѣюсь, однако, что мнѣ удастся оттѣнить важнѣйшую изъ нихъ. По крайней мѣрѣ, я попытаюсь сдѣлать это.

Въ исторіи умственнаго развитія человѣчества,—какъ и въ исторіи всякаго развитія, — послѣдующая фаза всегда тѣсно связана съ предыдущей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякая послѣдующая фаза не только отличается отъ предыдущей, но во многихъ отношеніяхъ прямо противоположна ей. Это общее правило, которое нужно помнить при изученіи всякаго процесса развитія. И это общее правило блестяще оправдывается при изученіи преобладающаго теченія философской мысли въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка сравнительно съ ея главнѣйшимъ теченіемъ во второй половинѣ предыдущаго столѣтія.

Въ философіи восемнадцатаго вѣка, за немногими и не очень важными исключеніями, отсутствовала точка зрѣнія развитія. Этотъ коренной недостатокъ замѣчается какъ во взглядѣ философовъ того времени на природу, такъ и въ ихъ взглядѣ на исторію человѣчества. Историческій процессъ есть процессъ развитія, и потому, казалось бы, на исторію невозможно смотрѣть иначе, какъ съ эволюціонной точки зрѣнія. Однако, философы 18-го столѣтія смотрѣли на нее иначе, да и теперь еще далеко не каждый изъ насъ отдѣлался отъ воззрѣній 18-го столѣтія.

Для философовъ 18-го вѣка главной причиной историческаго движенія было развитіе и распространеніе знаній, просвѣщенія, des lumières, какъ говорили они. Конечно, никому

не придетъ въ голову оспаривать относительную правомѣрность этого взгляда. И въ настоящее время нѣмецкіе соціальдемократы поютъ въ своей марсельезѣ:

Der Feind, den wir am tieffsten hassen,
Der uns umlagert, schwarz und dicht,
Das ist der Unverstand der Massen,
Den von des Ceistes Schwert durchbricht.

Всякому прогрессивному и общественному дѣятелю всегда приходилось считаться на практикѣ съ неразвитостью массы. Но при теоретическомъ изученіи предмета можно и должно спросить себя: не обусловливается-ли само накопленіе знаній и распространеніе просвѣщенія нѣкоторыми, глубже лежащими причинами? Другими словами: при теоретическомъ изученіи предмета можно и должно задаться вопросомъ о томъ, нельзя-ли и на самое, накопленіе знаній и распространеніе просвѣщенія смотрѣть, какъ на процессъ развитія, подчиненный извѣстнымъ законамъ, которые можно открыть и опредѣлить подобно тому, какъ изучаютъ и опредѣляютъ законы природы? Если—можно, то умственное развитія человѣчества способно стать предметомъ научнаго изслѣдованія; если—нельзя, то о научномъ изученіи этого развитіе нечего и говорить, потому что нѣтъ науки тамъ, гдѣ нѣтъ законосообразности явленій.

Разсуждая формально, каждый философъ 18-го вѣка, конечно, согласился бы съ тѣмъ, что явленія умственной жизни народовъ, какъ и всякія другія явленія, имѣютъ свои причины и потому могутъ быть изучаемы съ точки зрѣнія ихъ законосообразности. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., Гельвецій, дѣлали даже чрезвычайно интересныя попытки подобнаго изученія. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ они продолжали смотрѣть на умственное развитіе человѣчества, какъ на послѣднюю причину историческаго движенія, и потому можно сказать, что, при изслѣдованія этого движенія, ихъ научный анализъ останавливался тамъ, гдѣ ему нужно было начинаться. Вотъ почему у просвѣтителей восемнадцатаго вѣка не было научной философіи исторіи.

До поры до времени—напр., въ эпоху изданія знаменитой энциклопедіи—на это обстоятельство можно было не обращать вниманія. Главная историческая миссія просвѣтителей 18-го вѣка заключалась въ умственной борьбѣ съ устарѣлыми взглядами, завѣщанными временемъ расцвѣта абсолютной монархіи и полнаго и безспорнаго господства дворянства и ду-

ховенства. Въ этой умственной борьбѣ естественно и даже очень полезно было смотрѣть на ходъ идей, какъ на послѣднюю и самую глубокую причину хода вещей въ человѣческихъ обществахъ. Но вотъ разразилась гроза великой революціи; событія пошли одни за другими съ головокружительной быстротой и съ неумолимой силой могучихъ явленій природы. Общественное настроеніе измѣнялось очень часто, очень рѣшительно и совершенно неожиданно; ходъ общественной жизни и мысли не только, повидимому, не оправдывалъ свѣтлыхъ надеждъ и отрадныхъ предсказаній философовъ, но прямо насмѣхался надъ ними. Тогда стало очевидно для многихъ, что ходъ идей не опредѣляетъ собою хода вещей, а, напротивъ, самъ опредѣляется этимъ послѣднимъ. И вотъ философы временъ реставраціи стараются открыть законосообразность въ ходѣ умственнаго развитія человѣчества*); историки разсматриваютъ мысли людей, какъ продуктъ ихъ соціальныхъ отношеній, и всѣ изслѣдователи общественной жизни все болѣе и болѣе переходятъ на точку зрѣнія развитія.

Этотъ переходъ нашелъ свое главное выраженіе въ философской системѣ Гегеля. Точка зрѣнія Гегеля есть точка зрѣнія развитія; это составляетъ самую важную сторону его философіи; и именно благодаря этой своей сторонѣ его философія пріобрѣла такое могучее и такое плодотворное вліяніе на весь ходъ умственнаго развитія девятнадцатаго вѣка.

Ученіе о развитіи разсматриваетъ явленія съ ихъ переходящей стороны. Оно указываетъ причины, вызвавшія ихъ возникновеніе, и оно же открываетъ тѣ причины, которыя обусловили или должны обусловить современемъ ихъ исчезновеніе. Старый революціонеръ, разсматривавшій съ этой точки зрѣнія, положимъ, фактъ возвращенія во Францію тѣхъ самыхъ Бурбоновъ, владычеству которыхъ былъ, казалось бы, нанесенъ окончательный ударъ низложеніемъ и смертью Людовика XVI, долженъ былъ чувствовать значительное облегченіе при мысли о томъ, что сама реакція, смѣнившая во Франціи могучій революціонный порывъ, есть лишь переходящее явленіе, прочное лишь до тѣхъ поръ, пока существуютъ вызвавшія его временныя причины. Открывъ эти

*) Именно въ это время Сенъ-Симонъ пытается установить свой законъ трехъ фазисовъ (теологическаго, метафизическаго и позитивнаго), связываемый обыкновенно, и очень неосновательно, съ именемъ Огюста Конта. Въ настоящее время на этотъ „законъ“ можно смотрѣть, какъ на одинъ изъ лучшихъ примѣровъ невыработанности тогдашнихъ понятій о законосообразности въ историческомъ развитіи.

причины, такой революціонеръ пріобрѣталъ возможность содѣйствовать ихъ устраненію, т. е., слѣдовательно, новому торжеству дѣлу прогресса. Точка зрѣнія развитія, оказавшая такія важныя услуги наукѣ, явилась, кромѣ того, какъ бы нарочно придуманной для нравственнаго поддержанія и ободренія всѣхъ прогрессивныхъ новаторовъ, силы которыхъ вначалѣ всегда бываютъ очень значительны. Герценъ былъ совершенно правъ, когда сказалъ, что философія Гегеля есть настоящая алгебра революція.

Но эта алгебра революціи, это могучее орудіе революціоннаго мышленія, было гораздо болѣе сложно, чѣмъ простое орудіе отрицанія, употреблявшееся въ прошломъ вѣкѣ, и потому его дѣйствіе на молодые умы того времени должно было оказаться также несравненно сложнѣе. Мышленіе 18-го вѣка прекрасно характеризуется формулой: да—да, нѣтъ—нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Оно знало лишь одно отношеніе къ данному явленію: оно могло только разъ навсегда осудить его или разъ навсегда признать его правомѣрность. Такъ, напримѣръ, на вопросъ о томъ, хорошо или нѣтъ господство духовенства, философъ 18-го вѣка могъ дать только одинъ отвѣтъ: оно очень вредно. Историческія причины возникновенія этого господства совершенно уходили изъ его поля зрѣнія. Не такъ представилось дѣло, напр., Сенъ-Симону, который смотрѣлъ на духовенство уже съ точки зрѣнія историческаго развитія этого сословія. Отрицая правомѣрность его господства въ настоящее время, Сенъ-Симонъ указывалъ на его историческія заслуги и, становясь въ этомъ случаѣ въ противорѣчіе съ философами 18-го вѣка, онъ невольно преувеличивалъ важность этихъ заслугъ,— обстоятельство, которое, въ свою очередь, оставило замѣтный слѣдъ, какъ на его собственныхъ взглядахъ, такъ и на воззрѣніяхъ его учениковъ.

Повторяю, отрицательныя доктрины нашего столѣтія гораздо болѣе сложны, чѣмъ отрицательныя доктрины прошлаго вѣка. Люди XIX-го вѣка, въ своемъ отрицаніи, обнаруживаютъ гораздо больше умственной требовательности, чѣмъ современники Дидро и Вольтера. Извѣстный нѣмецкій писатель и революціонеръ, Арнольдъ Руге разсказываетъ, что въ первые дни его студенчества ему пришлось присутствовать на лекціи, не помню уже какого, профессора, говорившаго о религіи. Профессоръ обнаружилъ очень свободное къ ней отношеніе; «но именно это подѣйствовало на меня довольно непріятно,—говоритъ Руге,—не потому, чтобы я самъ былъ тогда вѣрующимъ человѣкомъ, а потому, что меня не

удовлетворяла поверхностная манера отрицанія, свойственная 18-му вѣку»*). Руге, впослѣдствіи сдѣлавшійся революціонеромъ, былъ въ то же время горячимъ приверженцемъ Гегелевской философіи.

Прибавлю, кромѣ того, что самъ Гегель, по причинамъ, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, нерѣдко истолковывалъ свою алгебру революціи въ консервативномъ смыслѣ и опирался на свое знаменитое положеніе «Was wirklich ist, das ist vernünftig» для осужденія оппозиціонныхъ теченій своего времени.

Какъ же повліяла и какъ должна была повліять на Бѣлинскаго указанная мною самая важная сторона Гегелевой философіи?

Мы уже знаемъ, что онъ, не смотря на свою молодость, инстинктивно чувствовалъ поверхностность, недостаточную обоснованность своего отрицанія; что онъ, по собственнымъ его словамъ, сознавалъ себя «нулемъ», не смотря на весь пылъ своего «абстрактнаго» героизма. Тотъ, чье отрицаніе основано на твердой конкретной почвѣ, нулемъ себя чувствовать не будетъ, хотя бы онъ и зналъ, что осуществленіе его идеала есть вещь очень далекаго будущаго. Изученіе Гегелевой философіи съ ея историческимъ взглядомъ на всѣ явленія, должно было привести Бѣлинскаго къ ясному сознанію того, что прежде онъ только чувствовалъ съ болью въ сердцѣ: онъ окончательно убѣдился въ совершенной необоснованности своего отрицанія. Какъ натура страстная и порывистая, онъ, отрицая свое прежнее отрицаніе, необходимо долженъ былъ дойти до крайности и осудить всякое отрицаніе вообще. Иначе сказать, онъ неизбѣжно долженъ былъ изъ пылкаго отрицателя стать не менѣе пылкимъ охранителемъ. Это новое настроеніе должно было поддерживаться въ немъ воспоминаніемъ о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя онъ пережилъ въ пору своего, какъ онъ сталъ выражаться теперь, абстрактнаго героизма: инстинктъ нравственнаго самосохраненія долженъ былъ подсказать ему, что возвратъ къ отрицательной точкѣ зрѣнія непремѣнно означалъ бы также и возвратъ къ прежнимъ нравственымъ мукамъ. И вотъ Бѣлинскій дѣлается усерднымъ комментаторомъ положенія: все дѣйствительное разумно, отождествляя понятіе: дѣйствительное—съ понятіемъ: существующее.

---

*) Цитирую на память, но за смыслъ ручаюсь.

Оспаривая этотъ новый взглядъ Бѣлинскаго, Герценъ однажды сказалъ ему, думая поразить его своимъ ультиматумомъ: «Знаете-ли вы, что съ вашей точки зрѣнія вы можете доказать, что чудовищный бюрократическій произволъ, подъ которымъ мы живемъ, разуменъ и долженъ существовать?»

— Безъ всякаго сомнѣнія, смѣло отвѣчалъ Бѣлинскій.

Если бы Герценъ понималъ тогда, какой психологическій процессъ совершался въ головѣ его собесѣдника, то онъ могъ бы съ точностью предвидѣть утвердительный отвѣтъ Бѣлинскаго. Въ своемъ увлеченіи философіей Гегеля, Бѣлинскій долженъ былъ начать именно съ оправданія бюрократическаго произвола, крѣпостного права и прочихъ, подобныхъ ему, гнусностей, такъ какъ эти гнусности, конечно, особенно сильно мучили его въ предыдущую фазу его умственнаго развитія.

Нужно ли говорить вамъ, господа, что это увлеченіе консерватизмомъ было непродолжительно. Вы всѣ прекрасно знаете это; вы помните то, ставшее знаменитымъ, мѣсто изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину, гдѣ онъ, возвѣщая о своемъ возвращеніи къ отрицанію, съ горькой шуткой восклицаетъ:

«Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ (шуточное имя Гегеля въ кружкѣ Бѣлинскаго. Г. П.), кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что еслибы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія,— я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и проч. и проч., иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою» и т. д.*)

Со времени такъ называемаго разрыва съ Гегелемъ начался тотъ послѣдній фазисъ развитія Бѣлинскаго, въ которомъ онъ является такимъ рѣшительнымъ революціонеромъ. Я уже указалъ на нѣкоторыя черты, характеризующія этотъ періодъ его развитія. Теперь я укажу на нѣкоторыя другія.

У насъ принято думать, что «раскланявшись съ философскимъ колпакомъ» Гегеля, Бѣлинскій совсѣмъ оставилъ его философію. Это большая ошибка. На самомъ дѣлѣ онъ отвернулся лишь отъ консервативной ея стороны, вполнѣ усвоивъ ее теперь въ ея болѣе глубокомъ значеніи, т. е., какъ «алгебру революціи». Рѣзко осуждая теперь свою статью о Бородинской годовщинѣ, онъ говоритъ, однако (и это забываютъ обыкновенно наши болѣе или менѣе «передовые» легальные писатели):

*) Пыпинъ, тамъ же, II, стр. 105.

«Конечно, идея, которую я силился развить въ статьѣ по случаю книги Глинки о Бородинскомъ сраженіи, вѣрна въ своихъ основаніяхъ, но должно было развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго, и безъ котораго исторія человѣчества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото,—а если этого нельзя было писать, то долгъ чести требовалъ, чтобы уже и ничего не писать».

Значитъ, идея, лежавшая въ основаніи этой статьи, была вѣрна. Какая же это идея? Это все та же основная идея всей философіи: идея законосообразнаго развитія. Но какъ же было съ этой точки зрѣнія развить идею отрицанія, примѣнительно къ русскимъ общественнымъ отношеніямъ? Нужно было показать, что тотъ общественный и политическій порядокъ, который такъ тяготилъ Бѣлинскаго и его единомышленниковъ, не могъ быть вѣченъ, что онъ имѣетъ лишь временное, преходящее значеніе, и что послѣдующее историческое движеніе непремѣнно должно его смести съ лица русской земли, какъ смело оно, скажемъ, порядки удѣльно-вѣчевого періода. Сдѣлать это, значило выработать цѣльную и стройную философію русской исторіи. Это невозможно было безъ помощи западно-европейской мысли, такъ какъ русская жизнь была еще слишкомъ неразвита. Но западно-европейская мысль сама находилась тогда, т. е., въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, въ переходномъ состояніи. Абсолютный идеализмъ Гегеля самъ оказался не въ силахъ открыть наиболѣе отдаленныя, глубже всѣхъ другихъ лежащія причины историческаго движенія; онъ сдѣлалъ лишь отдѣльные, правда, въ высшей степени замѣчательныя указанія и намеки на эти причины*). А не выяснивъ ихъ, во всей ихъ полнотѣ нельзя было уяснить себѣ и смыслъ историческаго движенія, т. е., слѣдовательно, нельзя было построить свои ожиданія отъ будущаго на прочной, реальной почвѣ. Правда, въ то время, о которомъ у насъ идетъ теперь рѣчь, идеализмъ Гегеля уступалъ уже мѣсто матеріализму Фейербаха; но этотъ матеріализмъ былъ совсѣмъ несостоятеленъ въ дѣлѣ объясненія общественно-историческаго процесса. Въ этомъ отношеніи Фейербахъ былъ подчасъ гораздо большимъ идеалистомъ, чѣмъ самъ Гегель. Поэтому, Бѣлинскій не могъ опереться на матеріализмъ Фейербаха для систематическаго развитія своей идеи отрицанія. Онъ до глу-

*) Интересующимся этимъ вопросомъ я позволю себѣ указать на мою статью „Zu Hegels' sechzigstem Todestag“ въ ноябрьскихъ номерахъ „Neue Zeit“ за 1891 г.

бины души ненавидѣлъ тогдашнюю русскую «дѣйствительность», но онъ не зналъ и не могъ знать, откуда придетъ ея крушеніе, и онъ глубоко страдалъ отъ этого незнанія; его вѣра въ лучшее будущее по временамъ сильно колебалась.

«Увы, другъ мой,—пишетъ онъ Боткину, — безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія ко всему этому, порыванія неровныя, безсильныя, безъ достиженія, болѣзненныя, недѣйствительныя. Вся наша жизнь, наши отношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой горькой истины... Человѣчество есть абстрактная почва для развитія души индивидуума, а мы всѣ выросли изъ этой абстрактной почвы, мы—несчастные Анахарсисы новой Скиѳіи. Оттого мы зѣваемъ, толчемся, суетимся, всѣмъ интересуемся, ни къ чему не прилѣпляясь, все пожираемъ, ничѣмъ не насыщаясь»*).

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ:

«Безъ цѣли нѣтъ дѣятельности, безъ интересовъ нѣтъ цѣли, а безъ дѣятельности нѣтъ жизни. Источникъ интересовъ, цѣлей и дѣятельности—субстанція общественной жизни. Ясно ли, логически ли, вѣрно ли? Мы люди безъ отечества,—нѣтъ, хуже, чѣмъ безъ отечества: мы люди, которыхъ отечество—призракъ, и диво ли, что сами мы—призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность—призракъ?»**)

Я очень прошу васъ, господа, обратить вниманіе на эту черту психологіи Бѣлинскаго: она очень поучительна потому, что даетъ цѣнный матеріалъ для рѣшенія вопросовъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ такъ много и такъ страстно спорили въ Россіи не далѣе, какъ полтора-два года тому назадъ. Раскланявшись съ «колпакомъ» Гегеля, Бѣлинскій вернулся къ отрицанію русской «дѣйствительности». Но ему не удалось теоретически обосновать свое отрицаніе, «развить его идею», т. е., найти въ самой нашей общественной жизни такія силы, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи непремѣнно должны привести къ уничтоженію нынѣшнихъ ея безобразій. Поэтому у него явилось мучительное сознаніе своей безпочвенности. Россія стала казаться ему «призракомъ» въ томъ смыслѣ, что онъ не видѣлъ въ ней здоровыхъ элементовъ, способныхъ къ дальнѣйшему здоровому развитію. А такъ какъ онъ мыслилъ слишкомъ ясно и прошелъ слишкомъ хорошую школу для того, чтобы ему

*) Пыпинъ, II, стр. 114-115.
**) Пыпинъ, II, стр. 112-113.

возможно было обманывать и убаюкивать себя фантастическими разсужденіями на тему о роли личности въ исторіи, то онъ, съ обычной своей послѣдовательностью, объявилъ, что и «сами мы», т. е., люди отрицанія, «призраки». Въ виду этого ему оставалось только сожалѣть о томъ умственномъ развитіи, благодаря которому онъ уже не могъ отказаться отъ отрицанія.

«Дѣйствительность разбудила насъ и открыла намъ глаза; но для чего?... Лучше бы она закрыла намъ ихъ навсегда, чтобы тревожныя стремленія жаднаго жизни сердца утолить сномъ ничтожества...

Но третій ключъ—холодный ключъ забвенья —
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ»...*)

И это настроеніе Бѣлинскаго вовсе не было исключительнымъ: его испытывали всѣ его единомышленники и даже лучшіе изъ его противниковъ, т. е., наиболѣе образованные и чуткіе славянофилы. Чрезвычайно рѣзко сказывается оно въ «Дневникѣ» Герцена:

«Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія?—съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ тамъ.—Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего мы ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и проч.? Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?... О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ: мы заслужили ихъ грусть! Была ли такая эпоха для какой-либо страны? Римъ въ послѣдніе вѣка существованія, и то нѣтъ... Тамъ были святы воспоминанія, было прошедшее, наконецъ, оскорбленный состояніемъ родины, могъ успокоиться на лонѣ юной религіи, являвшейся во всей чистотѣ и поэзіи. Насъ убиваетъ пустота и безпорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ—отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ»...**)

Нѣсколько далѣе тотъ же Герценъ пишетъ:

«Сегодня я читалъ какую-то статью о «Мертвыхъ Душахъ» въ «Отеч. Зап.»; тамъ были приложены отрывки... Между прочимъ—русскій пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога); перечитываніе этихъ строкъ задушило меня какой-то безысходной грустью,

*) Пыпинъ, II, стр. 124.

**) На эту печальную сторону въ исторіи развитія нашей интеллигенціи слѣдуетъ обратить большое вниманіе тѣмъ, которые до сихъ поръ предаются у насъ разглагольствованіямъ о роли личности въ исторіи, забывая, что роль эта сама опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ „субстанціей общественной жизни“.

эта степь-Русь такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы проснулись,—спать бы себѣ, спать, какъ все около!...»

Не видя въ окружающей дѣйствительности ни одного здороваго, способнаго къ развитію (и, слѣдовательно, къ отрицанію) элемента, Бѣлинскій начинаетъ ожесточаться даже противъ тѣхъ, положенію которыхъ онъ всегда такъ страстно сочувствовалъ и за которыхъ онъ, разумѣется, готовъ былъ отдать послѣднюю каплю своей крови: я говорю о крестьянахъ и о русскомъ народѣ вообще. Послѣ смерти Кольцова онъ пишетъ въ письмѣ къ Боткину:

«Смерть Кольцова тебя поразила. Что дѣлать? На меня такія вещи иначе дѣйствуютъ; я похожъ на солдата въ разгарѣ битвы—палъ другъ и братъ—ничего—съ Богомъ—дѣло обыкновенное. Оттого-то, вѣрно, потеря сильнѣе дѣйствуетъ на меня тогда, какъ я привыкну къ ней, нежели въ первую минуту. Объ отцѣ Кольцова думать нечего: такой случай могъ бы вооружить перо энергическимъ, громоноснымъ негодованіемъ гдѣ-нибудь, а не у насъ. Да и чѣмъ виноватъ этотъ отецъ, что онъ—мужикъ? И что онъ сдѣлалъ особеннаго? Воля твоя, а я не могу питать враждебности противъ волка, медвѣдя или бѣшеной собаки, хотя бы кто изъ нихъ растерзалъ чудо генія или чудо красоты такъ же, какъ не могу питать враждебности къ паровозу, раздавившему на пути своемъ человѣка. Поэтому-то Христосъ, видно, и молился за палачей своихъ, говоря: не вѣдятъ бо, что творятъ. Я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшеныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но не могу питать къ тому или иному личной ненависти».*)

Эта психологическая невозможность уважать народъ, въ виду его азіатской отсталости, рядомъ съ горячей любовью къ тому же самому народу и невозможностью найти нравственный покой въ виду его страданій — составляетъ несомнѣнно самую трагическую черту въ положеніи нашихъ тогдашнихъ западниковъ. Она наложила свою печать на то, что можно назвать ихъ практической политикой и очень сильно повліяла на развитіе идей въ послѣдующемъ поколѣніи. Она заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія, но здѣсь

*) Пыпинъ, II, стр. 152.

я могу говорить о ней лишь постольку, поскольку она опредѣлила собою дальнѣйшій ходъ умственнаго развитія Бѣлинскаго.

Мы уже знаемъ, что, вернувшись къ отрицанію дѣйствительности, онъ увлекся соціализмомъ, внеся въ это увлеченіе свою обычную страстность. Но это горячее увлеченіе продолжалось лишь нѣсколько лѣтъ. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ онъ относится къ соціализму очень скептически и даже совсѣмъ «раскланивается» съ нимъ. Въ письмѣ къ Боткину отъ 6 февраля 1847 г. онъ съ похвалой отзывается о Литтрэ, который нравится ему «именно потому, что онъ не принадлежитъ ни къ ворамъ-умникамъ «Journal des Debats» и «Revue des deux Mondes»*), ни къ соціалистамъ», о которыхъ онъ теперь говоритъ, что они выродились изъ фантазій геніальнаго Руссо. Въ томъ же письмѣ есть замѣчательный отзывъ о Луи Бланѣ:

«Кстати: въ «Gazette de France» я прочелъ отрывокъ изъ перваго тома «Исторіи революціи», Луи-Блана. Это его сужденіе о Вольтерѣ! Святители, да это Шевыревъ! Все, что говоритъ Луи-Бланъ въ порицаніе Вольтера, справедливо, да глупо то, что онъ не судитъ о немъ, а осуждаетъ его, и притомъ, какъ нашего современника, какъ сотрудника «Journal des Debats». Луи-Бланъ— историкъ современныхъ событій; но за прошедшее, сдѣлавшееся исторіей, ему, кажется, не слѣдовало бы браться».

Въ письмѣ къ Анненкову (отъ 15 февраля 1848 г.) онъ выражается на счетъ Луи-Блана еще сильнѣе:

«Читаю теперь романы Вольтера и ежеминутно мысленно плюю въ рожу дураку,ослу и скоту Луи-Блану»...**)

Замѣтьте, господа: когда Бѣлинскій писалъ цитированную мною выше статью о «Парижскихъ Тайнахъ» Эженя Сю, онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Луи-Блана, къ которому питалъ тогда величайшее уваженіе. Теперь Луи-Бланъ, въ своемъ отзывѣ о Вольтерѣ, кажется ему похожимъ на Шевырева. Почему же это? Вѣдь Бѣлинскій признаетъ, что этотъ отзывъ вѣренъ «самъ по себѣ?» Да, вѣренъ, но въ немъ недостаетъ исторической перспективы. Неумѣнье стать твердой ногой на историческую точку зрѣнія

*) Т. е., къ ограниченнымъ сторонникамъ и защитникамъ существующаго буржуазнаго порядка.

**) Опять за то отрицательное отношеніе къ Вольтеру, которое высказано было Луи-Блановъ въ его „Исторіи французской революціи".

составляло Ахиллесову пяту тогдашняго соціализма, который, именно въ виду этого его недостатка, называютъ теперь утопическимъ. Бѣлинскому, до конца жизни оставшемуся гегельянцемъ, долженъ былъ броситься и дѣйствительно бросился въ глаза этотъ недостатокъ тогдашняго соціализма, и этимъ объясняются всѣ раздражительныя выходки его противъ соціалистовъ въ письмахъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ его жизни. Его раздраженіе противъ утопическаго соціализма, стоявшаго на почвѣ абстрактнаго отрицанія существующаго порядка вещей, выростало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣзненнѣе сознавалъ онъ необходимость найти конкретную, дѣйствительную почву для своего отрицанія дѣйствительности, или, въ противномъ случаѣ, признать «призраками» даже и тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые были у насъ представителями отрицательнаго направленія. Такъ какъ утопическій соціализмъ не далъ ему матеріала для такого обоснованія отрицательной идеи, то онъ, «раскланиваясь» съ соціализмомъ, начинаетъ внимательнѣе присматриваться къ исторической роли буржуазіи. Въ уже цитированномъ мною выше письмѣ къ Анненкову отъ 15 февраля 1848 г. мы встрѣчаемъ слѣдующее, въ высшей степени важное мѣсто:

«Мой вѣрующій другъ*) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная, аркадская мысль! Послѣ этого, отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и, наконецъ, перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, что значитъ великій человѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ дока-

*) Неизвѣстно, кого здѣсь имѣетъ въ виду Бѣлинскій, но возможно, что Бакунина.

зывалъ мнѣ еще, что избави-де Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего показала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами; для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли, — тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ, и въ статьяхъ своихъ цитируютъ Жоржъ-Занда и Луи-Блана. Но довольно объ этомъ...»*)

Очень можетъ быть, что этотъ отрывокъ показался вамъ слишкомъ длиннымъ; но я не могъ не привести его во всей полнотѣ, потому что основательное знакомство съ нимъ необходимо для всякаго, кто хочетъ дать себѣ отчетъ въ соціально-политическихъ взглядахъ Бѣлинскаго, какъ они сложились въ самые послѣдніе годы его жизни. Въ нашей легальной литературѣ уже обращено было вниманіе на этотъ отрывокъ, но тамъ онъ подалъ поводъ къ весьма забавному недоразумѣнію. Г. Мякотинъ рѣшилъ, что если, по мнѣнію Бѣлинскаго, все дѣлалось черезъ личности, то его точка зрѣнія была точкой зрѣнія современныхъ нашихъ субъективистовъ. Это большая наивность. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ «личностей» желалъ Бѣлинскій для Россіи? «Для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій», говоритъ онъ. Иначе сказать: Россіи нуженъ вождь, одушевленный ненавистью къ нашей «дѣйствительности». Это очень характерно для тогдашнихъ взглядахъ Бѣлинскаго. Не открывъ въ народѣ никакихъ прогрессивныхъ элементовъ и не питая ни малѣйшей надежды на то, что протестъ противъ нашей печальной дѣйствительности выйдетъ изъ народной среды. Бѣлинскій поневолѣ повернулъ свои взоры къ царскому трону. Вѣдь Петръ I не былъ враждебенъ прогрессу: онъ вызвалъ Московскую Русь изъ ея многовѣковой дремоты. Поэтому, намъ надо желать появленія въ Россіи новаго Петра Великаго. Въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскій не разъ высказывалъ

*) Анненковъ и его друзья, стр. 610-612.

ту мысль, что развитіе Россіи совершалось сверху внизъ, а не снизу вверхъ, т. е., что все прогрессивное являлось у насъ по почину правительства, а не по почину народа*). Ту же мысль высказываетъ онъ и въ письмѣ къ Анненкову. Этотъ взглядъ имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе передовой русской мысли. Революціоннымъ разночинцамъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, вступившимъ въ революціонную борьбу съ правительствомъ, уже невозможно было думать, что осуществленіе ихъ идеаловъ придетъ «сверху»; они могли стать и остаться революціонерами, лишь питая твердое убѣжденіе въ томъ, что существующій порядокъ вещей будетъ разрушенъ «снизу», т. е., народной революціей. Потому-то они такъ охотно и заимствовали у славянофиловъ ихъ идеализацію русскаго народа вообще и нѣкоторыхъ сторонъ правовой и экономической жизни народа въ частности**). Но что этотъ взглядъ Бѣлинскаго не имѣетъ ничего общаго съ «субъективной соціологіей», достаточно показываетъ его происхожденіе. Подумайте: откуда онъ взялся у нашего критика? Онъ явился у него, какъ результатъ стремленія обосновать свою идею отрицанія на дѣйствительной (конкретной) почвѣ: не найдя въ народѣ залога самостоятельнаго прогрессивнаго движенія, Бѣлинскій вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, сознаться, что наше развитіе идетъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ, и сталъ утѣшать себя надеждой на то, что, можетъ быть, и самъ Николай Павловичъ сдѣлаетъ, наконецъ, что-нибудь для устраненія главнаго зла тогдашней Россіи,—крѣпостного права. Когда, въ концѣ 1847 г., пошли слухи о томъ, что императоръ Николай I въ самомъ дѣлѣ собирается отмѣнить его, Бѣлинскій съ радостью подхватилъ этотъ слухъ и съ радостью сообщилъ о

---

*) См., напр., его статью „Петербургъ и Москва", напечатанную въ сборникѣ „Физіологія Петербурга", вышедшемъ въ 1845 г.

**) Напр., общины. Извѣстный славянофилъ Ю. Самаринъ писалъ въ „Москвитянинѣ", 1847 г. подъ псевдонимомъ М... З... К...: „Общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошлой, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего возносящагося на поверхности зарыты въ его плодотворной глубинѣ". Это главная мысль нашего народничества. Далѣе, Самаринъ говоритъ, что западный міръ выражаетъ теперь требованіе общины (онъ разумѣетъ соціалистическое движеніе), что это требованіе „совпадаетъ съ нашей субстанціей" (курсивъ мой), что „въ оправданіе формулы мы приносимъ бытъ" и что, наконецъ, въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западной Это и до сихъ поръ составляетъ все содержаніе народнической полемики противъ нѣкоторыхъ „сторонниковъ капитализма".

немъ своимъ друзьямъ, бывшимъ тогда заграницей. Въ то же время онъ опасался, какъ бы наши прогрессисты не запугали правительства рѣзкими проявленіями своей враждебности къ нему. Такіе люди стали казаться Бѣлинскому вредными, такъ какъ они «раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ ровно ничего нѣтъ, и вызываютъ мѣры, крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія». На этомъ основаніи онъ несочувственно отнесся къ Шевченкѣ, сосланному тогда на Кавказъ солдатомъ. Такой взглядъ можетъ, конечно, показаться очень страннымъ со стороны тогдашняго Бѣлинскаго, автора извѣстнаго письма къ Гоголю. Но всякій, кто пойметъ происхожденіе этого взгляда, долженъ будетъ признать, что у Бѣлинскаго онъ явился, какъ результатъ стремленія связать свое отрицаніе съ существовавшимъ въ тогдашней Россіи соотношеніемъ общественныхъ силъ, а не какъ слѣдствіе «субъективнаго» взгляда на исторію. Притомъ, даже самъ Петръ Великій, по тогдашнему мнѣнію Бѣлинскаго, долженъ былъ бы въ своей дѣятельности подчиниться требованіямъ и законамъ прежде всего экономической дѣйствительности: «Внутренній процессъ гражданскаго развитія начнется въ Россіи не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію». Если это субъективизмъ, то непонятно, почему такъ боятся капитализма нынѣшніе русскіе субъективисты. Г. Мякотину слѣдовало бы выяснить себѣ и намъ это интересное обстоятельство.

Пойдемъ дальше. Бѣлинскій говоритъ, что славянофилы смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ смотрятъ на него соціалисты. Это совершенно справедливо: надо только помнить, что онъ говоритъ о соціалистахъ-утопистахъ. Во взглядѣ славянофиловъ на народъ не было мѣста элементу развитія. Даже болѣе: И. С. Аксаковъ съ умиленіемъ распространялся на тему о спасительной неподвижности русскаго народа. Та же спасительная неподвижность умиляла и его единомышленниковъ, принадлежавшихъ къ болѣе раннему періоду. Въ воззрѣніяхъ соціалистовъ того времени элементъ развитія тоже не игралъ почти никакой роли. Въ существованіи и развитіи капитализма они видѣли одно только зло, не замѣчая его революціонной стороны. Идеализируя народъ, они идеализировали не ту способность развитія, которая заключается въ немъ, благодаря его общественно-экономическому положенію, а весь тотъ характеръ, который онъ имѣетъ въ настоящее время, и въ которомъ не можетъ не быть

нѣкоторыхъ несимпатичныхъ чертъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго. Разъ открывъ Ахиллесову пяту утопическаго соціализма и ставъ въ противорѣчіе съ нимъ, Бѣлинскій съ обычной своей рѣзкостью указываетъ на слабыя стороны народнаго характера. Въ буржуазіи же онъ видитъ представительницу историческаго движенія. Переводя этотъ взглядъ его на нынѣшній нашъ языкъ, мы скажемъ, что Бѣлинскій лучше тогдашнихъ соціалистовъ-утопистовъ понялъ историческую роль капитализма въ западной Европѣ и предугадалъ огромную важность его въ дѣлѣ устраненія нашего стараго, «патріархальнаго быта жизни». Правда, сознавъ эту роль и эту важность, онъ тутъ же вдался въ другую крайность, отказавъ въ способности къ исторической самодѣятельности не только русскому крѣпостному крестьянину, но и французскому пролетарію. Это большая ошибка. Но она совершенно ничтожна въ сравненіи съ тою истиной, которая заключалась въ новомъ его взглядѣ.

Отрицая утопическій соціализмъ, мысль Бѣлинскаго работала въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ уже начала тогда работать революціонная мысль Запада.

Философія Гегеля смѣнилась философіей Фейербаха. Философія Фейербаха уступила мѣсто революціонному научному соціализму. Маркса и Энгельса. Этотъ соціализмъ былъ отвѣтомъ на всѣ теоретическіе запросы Бѣлинскаго. Онъ обосновалъ идею отрицанія на ходѣ историческаго развитія общественной жизни современныхъ цивилизованныхъ обществъ и понесъ эту, впервые незыблемо обоснованную, идею въ ряды международнаго пролетаріата. Движеніе этого пролетаріата стало, по выраженію Энгельса, наслѣдникомъ нѣмецкой классической философіи. Вслѣдствіе этого и «народъ» пересталъ быть жалкой, суевѣрной и инертной массой. Затронутый соціалистической пропагандой пролетаріатъ есть самая живая, самая мыслящая часть современныхъ цивилизованныхъ обществъ. И не только въ Зап. Европѣ совершается это перерожденіе народа. На нашихъ глазахъ происходитъ пробужденіе и развитіе классового самосознанія и въ русскомъ рабочемъ классѣ. Это явленіе, важность котораго трудно было бы преувеличить, создаетъ новые шансы успѣха для всѣхъ тѣхъ, кто искренно ненавидитъ существующій порядокъ вещей и кто готовъ съ нимъ бороться. Теперь идея отрицанія обоснована у насъ самимъ ходомъ общественнаго развитія. Теперь наше отечество уже не призракъ, равно какъ не призраки и тѣ,

которые стремятся завоевать для него лучшее будущее. Теперь только жалкій декадентъ могъ бы спросить себя: «зачѣмъ мы проснулись?» Но декаденты и не задаются подобными вопросами.

Если бы Бѣлинскій дожилъ до нашего времени, то онъ отдохнулъ бы, наконецъ, душою. Онъ уже не называлъ бы себя Анахарсисомъ новой Греціи. Нѣтъ, съ обычной своей страстностью, своими вдохновенными словами привѣтствовалъ бы онъ начинающееся пробужденіе русскаго пролетаріата и, умирая, искренно позавидовалъ бы тѣмъ счастливцамъ, которые доживутъ до дня его побѣды.

Пора кончать, а я еще не говорилъ о литературно-критической дѣятельности Бѣлинскаго. Впрочемъ, я имѣлъ право не говорить о ней, такъ какъ ея смыслъ и значеніе хоть отчасти выяснены въ нашей легальной литературѣ*). Здѣсь же мнѣ хотѣ-

---

*) Впрочемъ, я постараюсь характеризовать ее здѣсь въ немногихъ словахъ. Наши просвѣтители шестидесятыхъ годовъ, Чернышевскій, Добролюбовъ и др., смотрѣли на Бѣлинскаго, какъ на своего учителя въ дѣлѣ литературной критики Они были совершенно правы, и я уже сказалъ, что Бѣлинскій во многихъ отношеніяхъ былъ ихъ предшественникомъ. Но изъ ихъ поля зрѣнія совершенно уходила другая сторона литературно-критической дѣятельности Бѣлинскаго, именно—его стремленіе освободить критическіе разговоры и сужденія отъ личныхъ вкусовъ и симпатій критика и поставить ихъ на объективную, научную почву. Это стремленіе было рѣзко выражено имъ уже въ статьѣ о Бородинской годовщинѣ. „Мы думаемъ и убѣждены, — говоритъ онъ тамъ,—что уже проходитъ въ нашей литературѣ время безотчетныхъ возгласовъ съ „ахами“ и восклицательными знаками и точками для выраженія глубокихъ идей безъ всякаго смысла; что проходитъ уже время великихъ истинъ, съ диктаторской важностью изрекаемыхъ, и ни на чемъ не основывающихся, ничѣмъ не подтверждающихся, кромѣ личнаго мнѣнія и произвольныхъ понятій мнимаго мыслителя. Публика начинаетъ требовать не мнѣній, а мысли... Мнѣніе опирается на случайномъ убѣжденіи случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла, и которая сама по себѣ очень неважная вещь; мысль опирается на самой себѣ, на собственномъ внутреннемъ развитіи изъ самой себя, по законамъ логики“. Тутъ Бѣлинскій еще обѣими ногами стоитъ на почвѣ Гегелевскаго идеализма. Но впослѣдствіи, напр., въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ о Пушкинѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, мѣстами покидаетъ идеалистическую почву и судитъ о нашемъ великомъ поэтѣ, разсматривая его, какъ представителя лучшей, образованнѣйшей части нашего дворянства. Такая критика не похожа на критику шестидесятыхъ годовъ и совсѣмъ уже не имѣетъ ничего общаго съ „субъективной“ критикой нашихъ дней. Это зачатокъ научной критики, опирающейся на матеріалистическое пониманіе исторіи. Само собою разумѣется, что исторія литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго тѣснѣйшимъ образомъ связана съ общей исторіей его философскихъ воззрѣній. Здѣсь не мѣсто, однако, выяснять эту связь.

лось указать на то, что составляло самый главный предметъ, святую святыхъ всей его умственной работы, начиная съ того времени, когда онъ впервые сбросилъ съ себя иго «абстрактнаго героизма», и кончая послѣдними днями его многострадальной жизни. Этотъ главнѣйшій предметъ его умственной работы есть отрицаніе абстрактнаго, утопическаго идеала, стремленіе развить идею отрицанія, опираясь на закономѣрное развитіе самой общественной жизни. Съ этой стороны еще никто не смотрѣлъ на Бѣлинскаго, а она въ настоящее время важнѣе для насъ, чѣмъ всѣ остальныя. Вѣдь у насъ до сихъ поръ еще не кончилась борьба людей, старающихся обосновать свое отрицаніе на конкретной почвѣ, съ представителями и защитниками абстрактныхъ идеаловъ, этими донъ-Кихотами нашихъ дней.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Изданія книгоиздательства „Буревѣстникъ“.

Экономическое ученіе Карла Маркса въ общедоступномъ изложеніи **К. Каутскаго. Полный** переводъ. 3-е изд. Ц. 30 к.

К. Каутскій. Эрфуртская программа. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. В. Засуличъ. 2 е изд. Ц. 25 к.

К. Каутскій. Бернштейнъ и соціальдемократическая программа. (Антикритика). Переводъ съ нѣм. Ц. 60 к.

К. Каутскій. Потребительныя общества и рабочее движеніе. Съ предисловіемъ автора. Перев. съ нѣм. И. Караваева. Ц. 8 к.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. О коммунизмѣ. Съ тремя предисловіями авторовъ и предисловіемъ **Г. Плеханова.** Ц. 20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Съ введеніемъ **Ф. Энгельса.** Пер. съ нѣм. Ѳ. Капелюша подъ ред. Б. Кричевскаго. Ц. 20 к.

К. Марксъ. Гражданская война во Франціи (1871). Съ пред. **Ф. Энгельса.** Перев. съ нѣм. подъ ред. **И. Ленина.** 2-е изд. Ц. 15 к.

К. Марксъ. Введеніе къ критикѣ философіи права Гегеля. Переводъ подъ редакціей **Ю. Адамовича.** Ц. 6 к.

К. Марксъ. Рѣчь о свободной торговлѣ, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Демократической Ассоціаціи въ Брюсселѣ 9 января 1848 г. Перев. и пред. **В. Д. Ульриха.** Ц 6 к.

К. Каутскій. Классовые интересы. Пер. съ нѣмецкаго В. А. Поссе. 2 е изд. Ц. 6 к.

К. Каутскій. Воспомина
В. Засуличъ.

Ф. Энгельсъ. Крестья
В. Величкино

Ф. Лассаль. О сущно
2 е изд. Ц.

Ф. Лассаль. Програм

Ф. Лассаль. Гласный
для созванія
Съ предисло

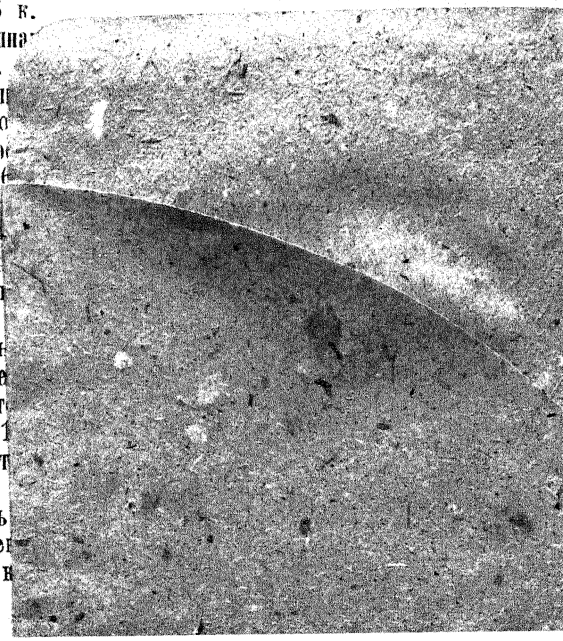
А. Бебель. Женщина
изданія подъ

А. Бебель. Положеніе

А. Бебель. О Бернш
3-е изд. Ц.

Г. Плехановъ. Пролет
Ц. 10 к.

Г. Плехановъ. Рѣчь
собраніяхъ въ Же
тора. Ц 12 к



В. Браке. Долой соціаль-демократовъ! Переводъ съ нѣмецкаго д-ра И. Аксельродъ. 2-е изд. Ц. 6 к.

Эдуардъ Бернштейнъ. Возможенъ-ли научный соціализмъ? Отвѣтъ Г. Плеханова. Ц. 15 к.

Л. Аксельродъ (Ортодоксъ). О „Проблемахъ идеализма". 2-е изданіе. Ц. 15 к.

Н. Ленинъ. Аграрный вопросъ и „критики" Маркса. Ц. 15 к.

Ж. Гэдъ. Коллективизмъ. Пер. съ франц. А. Днѣпровой подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 4 к.

Ж. Гэдъ и П. Лафаргъ. Чего хотятъ соціалъ-демократы. Переводъ. предисловіе. примѣчанія и приложеніе Г. Плеханова. Ц. 8 к.

П. Лафаргъ. Женскій вопросъ. Переводъ съ франц. Ц. 6 к.

М. Шиппель. Профессіональные союзы рабочихъ. Переводъ съ нѣмецкаго и предисловіе В. Д. Ульриха. 2-е изд. Ц. 10 к.

Р. Зейдель. 8-ми часовой рабочій день. Переводъ съ нѣмецкаго В. Ивановой. Ц. 5 к.

А. Арну. Мертвецы Коммуны. Переводъ съ франц. Ц. 4 к.

Э. Вандервельдъ. Золотая свадьба международнаго соціализма. Ц. 6 к.

Вильгельмъ Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ могилы Маркса. Ц. 20 к.

В. Либкнехтъ. Его жизнь и дѣятельность. Очеркъ К. Эйснера. Съ портретомъ Либкнехта. Ц. 15 к.

В. Либкнехтъ. Два міра. Рѣчь, произнесен. по случаю годовщины основ. народн.союза въ Криммитшау 22 окт. 1871 г. Съ пред. Ю. Моттелера. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 15 к.

Ж. Лонге. Соціализмъ въ Японіи. Пер. съ франц. В. Засуличъ. Ц. 10 к.

Съ требованіями адресоваться:

Одесса, книгоиздательство „Буревѣстникъ".

Отдѣленія склада:

С.-Петербургъ, книжный складъ „Право", Загородный пр., 2.
Москва, книжный магазинъ „Трудъ", Тверская ул.
Кіевъ, А. А. Соколовскій, Крещатикъ, 14.
Варшава, книжный магазинъ „Знаніе".
Рига, книжный магазинъ К. Зихмана.
Самара, Губернское Земство.
Саратовъ, „ „
Пермь, „ „

На мелкіе заказы просятъ прилагать марки, присчитывая на каждый рубль заказа 25 коп. на пересылку. Выписывающіе изъ складана три рубля и больше за пересылку не платятъ. Наложеннымъ платежемъ не высылается.